

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

**СЛОМАННАЯ
РОЗА**

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Сломанная роза

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Сломанная роза / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Воровская любовь)

ISBN 978-5-699-66514-3

Вадим Платов решил наконец-то узаконить отношения с любимой девушкой Надей. Свадьба обещала быть веселой и бесшабашной. Гости шумной компанией отправились сначала в ЗАГС, а потом на прогулку по реке на быстроходном катере. Но произошла трагедия. Катер захватили беглые заключенные. Появившиеся на берегу солдаты внутренних войск открыли огонь по сбежавшим энкам и случайно убили молодую жену Вадима. Вне себя от горя и ярости, он выхватил автомат у одного из солдат и начал беспорядочную стрельбу, в результате которой погибли ни в чем не повинные люди... Вадима осудили на пятнадцать лет. Перед отправкой в далекую сибирскую колонию он дал слово, что найдет и покарает тех беглых энкав, что сломали ему жизнь...

ISBN 978-5-699-66514-3

© Казанцев К., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кирилл Казанцев

Сломанная роза

Любовью шутит Сатана.

А. С. Пушкин

Часть первая

– Вадик, просыпайся, в садик пора! – послышался сквозь сон насмешливый голос мамы. – Ты забыл, дорогой, кто рано встает...

Тот весь день блуждает сонной мухой! Вадим зарылся в подушку. Зачем вставать? Рано ведь еще. Подождут детский садик, школа, которую он окончил около семи лет назад. Он взрослый, состоявшийся мужчина, он имеет право немного поспать...

– Вадик, вставай, – упорствовала мама, заглядывая в приоткрытую дверь. Она забавно морщила нос, чтобы не рассмеяться. – Я принесла тебе благую весть.

Он решительно не выспался, ведь вчера сильно устал.

– Вадик, поднимайся, ты сегодня женишься! Давно пора, дорогой, не век же тебе по мальчишникам водку пить...

Вздروгнули стены, на первом этаже отец включил на полную громкость музыку, и дом огласили слова песни: «А эта свадьба, свадьба...» Пели и плясали стены, Вадим, ошарашенный, вылетел из кровати и с ужасом уставился на смеющуюся маму.

– Я сильно загулял вчера, мам? – прохрипел он.

– Не сильно, – успокоила женщина. – Мы с твоим отцом держали ситуацию под контролем. Постоянно звонили в «Гнездо глухаря», где вы с друзьями бурно отмечали твой последний день холостяцкой жизни. Как ни странно, ты вел себя прилично, хотя ваш мальчишник несколько раз порывался перейти в девичник. Драк и разборок не было. Ты вовремя покинул компанию, вернулся домой, а твои друзья продолжали веселье в дамском обществе, но это уже их проблемы. Главное, чтобы твой свидетель вспомнил, какой сегодня день. Просыпайся, Вадик. О, ты уже проснулся... – с усмешкой констатировала мама и закрыла дверь с обратной стороны.

Вадим попытался сосредоточиться, ведь сегодня очень важный день. Он женится на самой красивой девушке Карагола и окрестностей. «Положительный пацан» Вадим Платов завязывает с холостяцкой жизнью. Он метнулся к окну, за которым был нормальный летний день, потом к кровати, чтобы заправить ее, но передумал – мама заправит, так и быть, в последний раз, в качестве исключения. В добротном доме на западной окраине Карагола гремела музыка, уж если отец что затеял, то на полную катушку. Парень метался в смятенных чувствах, не зная, за что хвататься. Кинулся к зеркалу – выглядит неплохо, вчера не перебрал, хотя голова немного побаливала. Из зазеркалья таращился взъерошенный парень с ладной спортивной фигурой, скуластой физиономией. У Вадима засосало под ложечкой от переполняющих эмоций. дождался заветного дня...

И даже мальчишник в «Гнезде глухаря» не смог его испортить. Память воскрешала эпизоды вчерашнего веселья. Лучшее заведение Карагола, избранная мужская компания. Поначалу все чинно, выпивали, закусывали, рассыпались в комплиментах его невесте, мол, респект и уважуха, дорогой товарищ, твоя девушка так хорошо на тебе сидит. Разглагольствовал художочный Шершень: «Такой важный день, приятель, ты должен хорошенько его запомнить, поэтому давайте напьемся. Господа, для начала грамм по триста, чисто для подвига...» Какие-то люди примыкали к компании – знакомые и не очень, гремела музыка, носились официанты.

Исполнительница «экзотических» танцев, скинув одежды, извивалась вокруг шеста. Ржал толстяк Борька Шустов по кличке Портос – он тоже недавно стоял перед выбором: жениться или нет? И не женился... Шершень неугомонно подкалывал, мол, зачем тащиться в медовый отпуск на какое-то Бали, где Вадим никого не знает? Есть отличная возможность недорого отдохнуть в постели – как Джон Леннон и Йоко Оно. В разгар веселья «дружок» жениха Максим Горелов привел двух развязных девиц с толстым слоем макияжа, заявив, что это не для Вадима, но в принципе, глядя на них, он может мысленно осуществить свои самые смелые фантазии. На подходе еще парочка, они уже здесь, и движутся по залу...

Вадим покинул мальчишник, пока тот не перерос в свальной грех. И был этому страшно рад. Он выдержал испытание, вынес из сражения свой чистый образ. Чем не выгодный жених? Пять лет назад был «проклят» приказом министра обороны – от армии не косил, не изворачивался, достойно отслужил в десантно-штурмовой роте. Обаятелен, привлекателен, твердо стоит на ногах, деньжата водятся. Достойный резидент небольшого сибирского городка, расположенного на стыке Хакасии и Кемеровской области в жутко красивых предгорьях Саян. Имеет небольшую собственную фирму, занимающуюся грузоперевозками, десяток технически исправных «Газелей», добрососедские отношения с коммерсантами района. Имеется пара собственных магазинов, пивные точки, где все по-честному. Кругом друзья, никаких врагов...

Наступили часы большого волнения и долгих сборов. Ведь он обязан достойно подчеркнуть ослепительный блеск своей невесты. Белоснежная рубашка, галстук, элегантный костюм за полторы тонны бакинских, маска уверенности и торжественности на сведенном судорогой лице... В десять утра он скатился вниз при полном параде. Боевым конем на сегодня был «лобастенький» шестисотый. Нормальная центровая тачка. И пара черных «бэx» дружеской огневой поддержки... Вадим был неотразим в непривычном образе. Волновались родители, уже переодевшиеся к торжеству. Глубоко дышала мама Елизавета Петровна, она отлично выглядела в свои сорок восемь, фигура такая, что молодые нервно курят. Отец возбужденно подмигивал, хлопал отпрыска по плечу – для Федора Ильича и его благоверной это тоже был ответственный и волнительный день. Сбредались похмельные друзья.

– Не могу... – стонал толстяк Борька Шустов – его качало, как неваляшку, пиджак расползался на пузе. – Чего мы так надубасились? Мой организм ругается матом, а еще целая свадьба впереди...

Ухмылялся стройный Максим Горелов – самый ответственный друг, он выглядел так, словно и не было бурной ночи, галантный, отутюженный, со скорбной миной на загорелом лице, дескать, отправляем такого парня в последний путь...

– Как я выгляжу? – взволнованно шептал Вадим, теребя огромный букет роз.

– С пивом – нормально, – ухмылялся Максим. – Лепень – ништяк, коцы – сияют. Да не парься ты, Вадим, справимся, прорвемся. Друзья с тобой.

– Какие, к дьяволу, друзья? – шипел Вадим, проглатывая слова, он действительно безбожно волновался. – Где Шершень, так его растак?

– Да, действительно, Шершня не видно, – монотонно бухтел Максим. – Вы не в курсе, пацаны, он сова или жаворонок?

– Он дятел, блин... – усмехнулся Шустов.

Ожидаемый гость примчался, когда компания рассаживалась по машинам – долговязый, нескладный, блаженно шурился. Коноплев Роман Сергеевич, школьный друг Вадима, балагур и любитель вечеринок. А Шершень – просто погоняло. Прицепилось к парню после драки двухлетней давности, когда шпана из Камышинского района по скудости мозгов пыталась наехать на рыбачью артель Федора Ильича Платова. Бились дружно всей ватагой, вставили недоумкам по первое число. Не сказать, что все прошло гладко – кровь текла, кости трещали. Исчерпав «приличные» аргументы, Ромка вцепился зубами в сплющившего его братка. Вереща от боли, тот пустился наутек, а через час у пострадавшего высыпала на роже аллергическая сыпь, его

увезли в больницу, долго лечили. Ромка ходил гоголем, пацаны ржали, кто-то вспомнил, что у него была такая же сыпь после укуса шершня – в общем, приклеилось прозвище...

Все было чинно, не скучно, пока без куража. Невесту выкупали с размахом, соря деньгами. Жених со свидетелем рвались через заградительные барьеры, отвоевывая пяди земли у каких-то хихикающих девчонок, у наряженных баб бальзаковского веса и возраста. Их не пускали, предъявляли претензии и завышенные требования. Встала грудью разбитная девица по имени Настя и прозвищу Фрикаделька, с лихвой характеризующему особенности ее фигуры – не обидчивая, резка на язык. Она трудилась диспетчером в фирме Вадима и не теряла надежды выйти однажды замуж, причем не по приколу, а по любви. Именно она была сегодня подружкой невесты, что очень не нравилось кисло улыбающемуся Максиму. Носился с аппаратурой приглашенный фотограф, кто-то вел любительскую видеосъемку. Родители невесты пытливо разглядывали жениха, будто первый раз увидели. Он уже решил, что будет называть их «мамой» и «папой». Тестя звали Валерий Леонидович, тещу – Алевтиной Валентиновной. Язык сломалась, пока научишься выговаривать без запинки.

– Девчонки, разбегайтесь! – визжала Фрикаделька, глядя, как Вадим готовится к последнему броску на крыльцо. – Этого парня ничто не остановит, зашибет же!

Он прорвался в опрятный домик, окруженный фруктовым садом, захлопнул дверь перед носом улюлюкающей толпы. Из комнаты показалась невеста в белоснежном платье – взволнованная, румяная, утонула в его объятиях. Наипрекраснейшая Надежда... Еще одно солнце взошло и засияло над планетой! Сердце колотилось, ведь он по уши влюблен и не может без этой девчонки, теперь он никому ее не отдаст, они обязаны быть вместе до гробовой доски.

– Вадик, я тоже рада тебя видеть... – бормотала Надюша, отвечая на поцелуи, а он заводелся, уже тащил ее в пустую комнату, путаясь в рюшках и оборках. – Но не здесь же, подожди, давай дождемся вечера... Вадик, ты мне все платье помнешь... – она сдавленно смеялась.

Он опомнился, действительно, не самое подходящее время и место. Толпа страждущих ломится в дом, все одетые, такие красивые. Они привыкли заниматься ЭТИМ в самых неожиданных местах, на грани фола и провала, но чтобы так вызывающе...

– Наденька, я так тебя люблю... – шептал Вадим срывающимся голосом.

Он вывел взволнованную невесту на крыльцо, и толпа восторженно взвыла. А жених уже будто не понимал, кто все эти люди, чего им надо... Амур всадил в него из гранатомета четыре месяца назад, в Международный женский день, когда он заехал к Насте Фрикадельке, чтобы лично ее поздравить. А у той сидела подружка, в гости к которой приехала еще одна подружка, и он оторопел, когда увидел ту, последнюю... Умница, красавица, практически комсомолка – год отработала волонтером в столичной «богоспасаемой» организации, хотя имела обеспеченных родителей, могла кататься как сыр в масле и ничего не делать. Он прекрасно помнил холодный «пробный» взгляд, брошенный в его сторону, – в нем имелась чуточка интереса... Впрочем, Наденька долго не вела оборонительные войны, пала под напором и обаянием, подписала акт о безоговорочной капитуляции. «Я такая порочная и ветреная, просто ужас... – шептала она умирающей лебедицей после первой ночи любви. – Я так бестолково потеряла свою девственность...» А ближе к лету он поражался: «И что бы я делал без тебя, Надюша?» Она смеялась: «Все то же самое, милый. Но только с другой...»

События неслись по сценарию. Загс славного города Карагола не блистал изяществом интерьера и вычурной мебелью. Но кого это волновало? Жених с невестой входили в зал под торжественного Вагнера. Расписались в документе строгой отчетности с гербовой печатью... «Сегодня самое прекрасное и незабываемое событие в вашей жизни... С этого дня вы пойдете по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения...» – гнула заученный текст регистраторша. Стояли, как на параде, по стойке смирно, даже не пытаясь понять, чего она там бухтит. Временами пробивало на ржач. «Подойдите к столу регистрации

и своими подписями скрепите ваш союз... Прошу вас в знак любви и преданности обменяться обручальными кольцами...»

Разразился хриплый Мендельсон, качество аппаратуры оставляло желать лучшего. Дыхание перехватило, что-то сладкое побежало по телу. Ну, вот и все, промчались светлые денечки...

– Слышь, Плата, а ты в курсе, что невеста и жена – это совершенно разные люди? – сипел в затылок толстяк Борька. – Хотя и зовут их примерно одинаково.

– А ты доверяешь своей второй половинке? – шипел в ухо Максим, перехватывая укоризненный взгляд работницы загса. – Я имею в виду, конечно, основную – нижнюю, а не ту, которая симметричная. Ей теперь придется пахать, как таджику...

Разбирал смех, Вадим насилиу сдерживался.

– Максим, заткнись... – процедила сквозь зубы Надюша и судорожно вздрогнула.

– А ты помнишь, Вадим, – спохватился тоскующий в тылу Шершень, – что возврат можно делать только в течение четырнадцати дней? Если больше, то могут возникнуть непредвиденные сложности.

Засмеялись почти в открытую, включая невесту, и чуть не запороли такую ответственную процедуру. Но все обошлось, никто со смеха не умер. Потом по плану были слезы, трогательные поздравления, пожелания, все лезли обниматься, а Вадим терпеть не мог обниматься с мужиками. Он мечтал, чтобы все это кончилось, настал вечер, и он остался наедине со своей женой, от которой не мог оторвать глаз... Но шансов на попадание во временную дыру не было. Все эти ненужные глупые процедуры, национальные обычаи, обряды, ритуалы. До ресторана с бурными возлияниями оставалось несколько часов. С шиком проехали двести метров от загса до пристани, где свадебную компанию уже поджидал арендованный водный «трамвайчик», быстроходное судно на воздушной подушке, с двумя палубами, застекленным кокпитом и весьма оригинальным названием «Чайка». «Семь мостов искать будем!» – смеялись гости. «Да на нашей Кашеевке и одного-то не найти!» Загрузилась приличная компания – порядка двадцати персон: жених с невестой, близкие родственники, самые верные друзья. «Активисты», возглавляемые Фрикаделькой, побежали в ресторан наряжать банкетный зал к возвращению виновников торжества. На палубе гремела музыка, рекой лилось шампанское. Снисходительно поглядывал на веселье капитан из рубки. Судно мчалось по касательной на стремнину под хохот и удалой шансон. Места в окрестностях Карагола были очень красивые. Широкая Кашеевка петляла в бурной зелени среди пологих холмов. Развесистые ивы клонились к воде, в отдельных местах обнажались причудливые меловые скалы. На востоке в сиреневой дымке высились горы – седые, рослые, монументальные. «Чайка» двигалась на восток против течения. На верхней палубе толпились люди, веселье не унималось ни на минуту. Трещал, как из пулемета, фотограф, хохотали молодые люди. Оживленно общались сваты – у них нашлись общие темы. Родители невесты оценивающе поглядывали на жениха, родители жениха – на невесту. Ветер свистел в ушах, развевалось свадебное платье. Надюша смеялась, как колокольчик, хотя не все шутки, отпускаемые друзьями Вадима, были приличными. Оживший Шершень носился с шампанским, разливая на брюки всем желающим, и уже дозрел до актуального вопроса: нет ли в этом доме чего покрепче? Вадим не налегал – впереди еще много испытаний. Ему и так было безумно хорошо. Судно покоряло речные просторы, красиво разрезая воду за кормой. Он держал за руку невесту, не отступал ни на шаг – сомнительно, что ее стырят на этой «подводной лодке», но от греха, как говорится...

– И вдруг человеку без видимых причин стало хорошо, – подтрунивал над ним Максим. – Ты глупо выглядишь, Вадим.

– Не утоните в море счастья, – брюзжал Шершень, получивший информацию, что на судне нет ни одного «приличного» напитка и придется терпеть до ресторана.

– А давайте поедem к «тройняшкам»? – вдруг встрепенулась Надя и вопросительно посмотрела на Вадима. – Милый, это ведь рядом. Представляешь, какую фотосессию мы там проведем? Это лучшее место в районе! Мы ведь не спешим на пожар, верно?

Желание невесты – закон. Вадим проорал капитану соответствующее приказание – тот пожал плечами, мол, любой каприз за ваши деньги. Судно прижалось к правому берегу и минут через десять повернуло в безымянный приток Кашеевки. Красивые ивы склонились над притоком в гостеприимном поклоне. Карагол остался на западе, они находились в самом сердце живописной природы. «Чайка», сбросив скорость, втягивалась в приток. Двести метров – и взорам разгоряченных игристым напитком людей предстали три монументальных столба. Они казались практически одинаковыми – усеченные пирамиды, похожие на творения инопланетян. Скалы окружали густые заросли тальника, а на переднем плане простиралась каменистая площадка, обрывающаяся в воду – просто идеальная пристань, сочиненная природой...

Глубина у берега позволяла встать впритирку к камням. Капитану было не в диковинку – многих сюда возил. Перебросили трап. Кто-то спрыгнул на берег, кто-то остался на палубе. Ворковала Наденька, устремившись к «тройняшкам». Вадим не отставал. Смеялись люди, вновь звенели бокалы. Хихикала, немного причитая, что ее укачало, полноватая теща Алевтина Валентиновна.

– И нас не забудьте щелкнуть! – кричала мама Вадима, повисая на руке у отца.

Фотосессия удалась, хотя, с точки зрения Вадима, места здесь были несколько мрачноватые. Впрочем, невеста в белоснежном платье их украшала наилучшим образом. Фотограф усиленно бегал вокруг гостей и новобрачных, с бедняги ручьями струился пот. Каждый счел своим долгом сняться с женихом и невестой. Порисовавшись перед объективом, гости возвращались на судно, распечатывали новые бутылки. Позевывал в кулак капитан в своей рубке. Сокрушалась теща, что невеста испачкала платье – но это не беда, она взяла с собой некое новомодное чистящее средство, отличный повод его испытать...

– Это несправедливо! – кричал захмелевший Борька. – Вадиму досталась самая красивая невеста! Вы только посмотрите на нее!

– Справедливо! – смеялся Вадим. – Всем поровну, а мне – чуть больше! В этом и состоит вселенская справедливость!

– Слушайте, кончайте, а? – гундел Шершень. – Ну, сфоткались – и ладно. Поплыли обратно, скоро в кабак, чо вас так растарашило на эту природу?

– Шершень, успеешь напиться! – смеялась Надя. – Вадик, подсади меня на этот камень, здесь такой хороший вид...

Вадим тоже не спешил. Отличный повод полюбоваться на свою жену... И вдруг закралось в душу беспокойство. Просто так, на ровном месте, заноза застряла в горле. Что за фигня? Он замешкался, завертел головой. Вроде все нормально. Фотограф что-то переводил на своем аппарате. Гости толпились у трапа – уже немного подуставшие. Оживленно общались сваты – темы для беседы оказались не только общими, но и наболевшими. Хохотали девчонки, приближалось время ловить букет невесты, этот вопрос они усиленно и обсуждали. «Шершня берите в компанию, – беззлобно язвил Максим. – Пусть ловит». «Не буду я ловить никаких букетов, – испуганно бубнил Шершень. – Вам надо, вы и ловите». «Фрикаделька пусть ловит, – пролепетал потеющий Борька. – И за Шершня замуж выходит, вот похочем...»

– Ну, Вадим, ну, подсади же, – игриво водила бедрами Надюша. – Чего ты завис, Вадим? Неожиданно в дебрях тальника за «тройняшками» прогремела автоматная очередь.

Поначалу никто не понял, что за дела? Послышался резкий, отрывистый, лающий звук. За ним еще один, третий, четвертый. Вадим онемел, в горле пересохло. Это же реально автомат Калашникова... Никакая не трещотка местных вымирающих народностей... И снова разразилась вакханалия. Слышались крики, хлестали лающие очереди. Кто-то прорывался через кусты к побережью и палил из автоматов. Вадим впал в ступор. Люди тоже вели себя непра-

вильно, застыли, охваченные столбняком. Он перехватил испуганный взгляд мамы, настороженный взгляд отца. Озадаченно сморщился Максим, не донесший сигарету до рта.

– Это чо, уже салют? – тупо брякнул Шершень.

Через какое-то время Вадим опомнился, срочно приказал всем забраться на судно. Схватил в охапку растерявшуюся Надю. Платье хрустело, девушка извивалась. Но поздно было что-то предпринимать. События стали развиваться стремительно. Стрельба нарастала, приближалась, от нее уже закладывало уши. Над зарослями тальника стояла отборная матерщина. С сильным воплем:

– Братва, шевели ходулями, шмыри на хвосте!!! – из куста левее скалы вывалился небритый тип с воспаленными глазами – в оборванной фуфайке, кирзовых сапогах, с автоматом – весь такой характерный, дальше некуда.

Завизжали девчонки, возмущенно загалдела мужская часть собрания. «Зэки сбежали из колонии!» – пронзила мысль Вадима. Здесь зона строгого режима в восьми верстах – за деревней Ключевкой. Как быстро все сменилось, воцарился ад. Различался отдаленный собачий лай – охрана с зоны висела у беглецов на хвосте.

– Алмазно, братва! – уродливая гримаса пересекла небритую физиономию. – Здесь свадьба, пля... Гы-гы, многие лета! И транспорт! Гуляем, пацаны!

Мужчина бросился вперед с автоматом наперевес. А из кустов выпрыгивали еще двое – потные, запыхавшиеся. Топали по каменной площадке, лыбясь от уха до уха. Вадим непростительно тормозил, все это было бредом, какой-то вздорной, извращенной постановкой. Он машинально прикрыл собой перепуганную Надю, стиснул кулаки. А двое уже протопали мимо. От них разило потом, возбуждением, страхом.

– Секи, Кирпич, какая бикса! – гоготал «флагман», похабно подмигивая Вадиму. – Чо, брателло, упал на нее?

– Ага, шедевральная чувиха, Череп... – хрипел бегущий следом. – Эх, щас бы времени чуток, мы бы ей скормили шведский бутерброд...

Вадим опомнился, начал отступать, отталкивая Надю, заслонял ее собой. Она испуганно ойкнула, скатилась в какую-то яму, цепляясь за склон свежеекрашенными ногтями, жалобно взирала на Вадима. А события разворачивались как в кино. Тот, что вылупил первым, уже махал автоматом перед оцепеневшими людьми, рычал, как бензопила:

– А ну, кыш, бакланы, расступись! Не задалась сегодня свадьба, ну, бывает! Эй, рулило, заводи мотор, да живо, пока не замочили!

– Вы кто такие? Что вы хотите?! А ну, уходите немедленно! – визжала теща, махая кулаками под носом у зэка.

– А мы как диарея! – хохотал зэк. – Приходим внезапно!

Люди столпились у трапа, никто не расступался. Доходило трудно, никто не верил, что может произойти что-то страшное. Зэки рвались к судну, грубо отшвырнули обозленную Алевтину Валентиновну, кто-то врезал по глазу Валерию Леонидовичу. Он схватился за голову, упал на колени. Убедившись, что Надя в яме, Вадим помчался к трапу, горя от негодования, но что-то не заладилось, зацепился за шероховатость лакированным носком и рухнул на каменную поверхность, отбив весь левый бок – от плеча до колена. Возмущенно взревел Максим, заголосил толстяк Борька. Еще кому-то из гостей все происходящее крайне не понравилось.

– А ну, пшли на... отсюда! – проорал Максим и мастерски засадил зэку промеж глаз. Того отбросило на товарища, и началось...

Разъяренные беглецы открыли огонь на поражение. Разбегались обезумевшие от страха люди, хлестала кровь. Зэки поливали свинцом направо и налево, орали в возбуждении, истошно голосил тот, кто первым начал, теперь с фингалом между глаз:

– А ну, брысь, народ!!! Есть еще желающие загреметь в деревянный макинтош?!

Зверски болел отбитый бок, кружилась голова. Вадим поднялся на колено, круги плясали перед глазами, онемели конечности. В кустах еще кто-то был, сдерживал натиск погони. Творилось что-то невозможное. Кому-то удалось спастись, трещали кусты. Метнул увесистую каменюку Шершень. Валялись люди, залитые кровью. Стонали раненные. Максим попытался привстать, опираясь на колено, харкал кровью. Борька Шустов плавал кверху пузом рядом с трапом, глаза его были открыты, а вода вокруг становилась подозрительно красной... Стонала теща, тянулась к неподвижному тестю. Не шевелился отец Вадима, кровь толчками выходила из горла. Дрожала в конвульсиях мама Елизавета Петровна – она неловко лежала на боку, глаза ее блуждали, такое ощущение, что женщина кого-то искала... Вадим что-то кричал, куда-то ковылял – оглохший, наполовину ослепший. А эки уже гремели по трапу, прыгали на «Чайку».

– Череп, в рубку! – орал громopodobным басом плечистый зэк с тяжелым взглядом, вращаясь с автоматом.

Жилистый тип в разодранной фуфайке метнулся на капитанский мостик, треснул прикладом остолбеневшего капитана, вдавил автомат ему в живот и что-то прокричал. Капитан бросился к своим приборам, задергал рукоятки. Вспенилась вода за кормой. Звонкая затрепщина, отпущенная отморожком по кличке Кирпич, – и пожилой дядя Вадима Иннокентий Иванович, спрятавшийся за рундуком на палубе, с жалобным криком полетел за борт. Выпал сотовый телефон, запрыгал по настилу, видимо, дядюшка собрался позвонить в милицию (а может, и позвонил).

– Лютый, здесь бухло есть! – радостно заголосил Кирпич. – Правда, шнапса ни хрена не вижу, один шампунь! Это чо, блин, безалкогольная свадьба?!

– Забудь про бухло, Кирпич! – рычал Лютый. – Держать оборону, ложись! Педаль подними, пригодится! – махнул он подбородком на упавший мобильник. – Где эти двое, мать их?!

В кустах продолжали надрываться автоматы. Вадим не успел доковылять до трапа, споткнулся о распростертое тело отца, поднялся, давясь слезами. А из кустов показались еще двое – оба тощие, щетинистые, отнюдь не секс-символы. Первый проорал:

– Братва, атас, мусора ливер давят!!! Мылим отсюда, щас амба будет!!! – и промчался мимо Вадима, перепрыгнул на «Чайку», которая уже отходила от скалы.

Вадим метнулся из последних сил, выставил ногу, и зэк, замыкающий бегство, покатился по площадке, теряя автомат. Впрочем, он быстро подскочил, растопырив пальцы, ноздри хищно раздувались. В воспаленных глазах плясало безумие. Вадим тоже терял рассудок от обуявшего его бешенства. Оба одновременно метнулись за автоматом, Вадим опередил на долю секунды, одновременно выбрасывая локоть, дал коленом под дых. А когда небритый тип слегка офонарел, сцапал его за шиворот, встряхнул, одновременно вскидывая левой рукой автомат. Стрелять с такой позиции скверно, он бы ни в кого не попал. Но прикрылся неплохо. Судно уже отходило, разворачивало нос на Кашеевку. Чертова «воздушная подушка»! Эки, распластавшись за бортом, открыли огонь. Они вопили, надрывали луженые глотки. Ублюдок, которого Вадим держал перед собой, активно насыщался свинцом. Закатались глаза, алая жижа текла из разверзшейся зловонной пасти. Он оттолкнул его от себя, рухнул под скалу, принялся стрелять, почти не целясь, по убегающей «Чайке». Но патронов в автомате было совсем мало. Сухой щелчок – вот и они закончились. В ответ захлопали разрозненные выстрелы – пришлось перекатиться.

– Вшивый, придурок, ты Шизу грохнул! – хрипел Кирпич. – Ты чего такой кипишный, в натуре?!

– Да и бес на него! – вопил зэк. – Байду не гони, Кирпич! Чо, мы без Шизы не проживем?! Это просто женишок нам сегодня расторопный попался.

– Эй, братан, не обижайся! – хохотал в адрес Вадима Лютый. – Ну, не задалась сегодня свадьба, в другой раз задастся. Порадуйся лучше за нас! Прощай, казенка! На этой хреновине мы теперь далеко уйдем, никакая милиция не остановит!

Эки дружно ржали, а «Чайка» уносились прочь. Капитану, в чей затылок упирался ствол, очень хотелось жить. Напоследок бандиты разразились по кустам, из которых их вынесла нелегкая. А там уже надрывались собаки, орала погоня. И вновь Вадим оглох, звон в ушах стоял безбожный. Он спотыкался, куда-то брел. Где-то за кадром кричали и плакали выжившие и раненные. Он был полностью дезориентирован. Рухнул на колени перед матерью – она не шевелилась, пронзительно смотрела в ноги сыну. Жалобный стон послышался за спиной, из ямы выбралась потрясенная Надя, платье порвано, все в грязи, прическа растрепалась. В глазах застыло что-то скорбное, библейское. Вадим метнулся к ней, схватил за руки.

– Ты в порядке? – он мог лишь хрипеть.

– Вадим, послушай... – она шептала, а из глаз потоком хлестали слезы. – Вадим... Вот это все... Это ведь не по-настоящему, да?

– Конечно, милая, ничего такого, все образуется... – он нес какую-то ахинею, отталкивал ее к скале. Но она вырвалась, испустив душераздирающий стон, двинулась к берегу ломающейся походкой. Застыла над окровавленными телами, не понимая, что делать дальше. Взялась за виски, крепко их сжала. Затем повернулась, устремив на Вадима пронзительный взгляд. Он навсегда его запомнит...

А пассажиры на «Чайке» отдалились, они продолжали что-то кричать, хлопали выстрелы, но уже не причиняли вреда. Те, что их преследовали, не стали рисковать. Они еще не вышли из кустов, а уже открыли беспорядочный огонь, хотя не видели, что творится на берегу. Засветили шальные пули.

– Не стрелять, здесь люди!!! – завопил Вадим, падая на колени.

А из тальника уже вываливались взмыленные солдаты в ободранном камуфляже с перекошенными лицами и перегревшимися автоматами в руках. Их бледные физиономии плясали перед глазами, тряслись челюсти. Молодые необстрелянные парни...

Вадим бросился к Наде. И застыл, как вкопанный. В девушку попала шальная пуля, выпущенная солдатом российской армии... Она стояла на коленях в своем некогда красивом подвенечном платье, в рваной фате. Держалась за простреленный живот, смотрела на Вадима большими глазами, испуганно, недоверчиво, натужно сглатывала и пыталась что-то прошептать. Лицо ее помертвело. Девушка качнулась, упала на бок, кровь потекла из горла, она задрожала и вдруг замерла, глаза превратились в застывшие стекляшки...

– Надя, ты что? – Вадим опустился перед девушкой на корточки. Как-то опасно коснулся ее плеча, потряс. Она не шевелилась...

Вадим начал понимать случившееся, вскочил, заорал, надрывая глотку. Развернулся в прыжке. Да будьте вы прокляты, нелюди! И такая тьма исходила от несостоявшегося жениха и мужа, такая ненависть теснилась в искаженном лице, что попятнулись солдаты. Побелел и задрожал лопоухий конопатый паренек, стоящий ближе всех. Он, защищаясь, поднял автомат, отступил, облизнул пересохшие губы.

– Слышь, мужик... Ты, это самое... прекращай... это не я... Ты чего так взбесился?..

Аффект, иступление, все разом, помноженное на пронзительную душевную боль, обуяло Вадима. Он орал благим матом, брызгал слюной, кровью, бросился на солдата, бил его по морде – смачно, выбивал душу железным кулаком. Орал однополчане, кинулись его оттащить. А он уже вырвал у солдата автомат, передернул зачем-то затвор – и те отшатнулись, не успев открыть огонь первыми. Стальная бандура тряслась у Вадима в руках, изрыгая пламя и свинец, он орал во все стороны, приплясывал. Какие-то личности металась перед глазами, надменно лаяли собаки. Он бил на поражение, окончательно лишившись контроля над разумом – за любимую девушку, за свою уничтоженную жизнь, за ВСЕ! Пусть горят в своем аду! Ополумевшие лица металась перед глазами, вот отбросило какого-то сержанта, напичканного свинцом, вот смазливый чернявый парень лихорадочно рвал заклинивший затвор – и его туда же! Кричал и полз, подволакивая ногу, раненый. Скулила подстреленная овчарка...

Бойцы опомнились и открыли шквальный огонь, а Вадим уже, выбросив автомат, летел в воду с каменного обрыва. Пули оторвали полу от свадебного пиджака, едва не срезали скальп, но он уже прорезал пласты на всю глубину, поплыл широкими размахами ко дну. Свинец чертил пунктиры в воде, сзади, спереди. Он ни о чем не думал, ни одной завалящей мысли в голове. Просто уходил от опасности, в чем уже не было никакого смысла... У Вадима были сильные легкие, он передвигался по дну, хватаясь за вросшие в ил коряги. Стрельба стихала, возможно, автоматчики решили, что он убит. Но вновь разразились крики, когда на середине речушки всплыла голова – всплыла и пропала. Бойцы строчили, мстя за своих товарищей, но никто не бросился в воду. И не было такого приказа. Они не видели, как мокрый измученный человек выполз на противоположный берег – листва деревьев, пьющих влагу из реки, заслоняла его от ищущих взоров. Он стонал, подтягивался на руках. Тело превратилось в раскаленный синяк. Сил практически не было. Он встал на четвереньки, куда-то пополз, не замечая, как ветки и корни протыкают ладони почти насквозь. Потом поднялся, побрел куда глаза глядят...

Вадим очнулся в тайге, на неведомой территории, в холодной яме. Вокруг него грохотались черные ели с мощными лапами. Темнело небо, вечер растекался по району. Тело было облеплено листвой и хвойными иглами. Трясла лихорадка. Парень никак не мог понять, почему он здесь, ведь он должен находиться в ресторане на собственной свадьбе. Ныли мышцы, Вадим выполз из ямы, абсолютно не помня, при каких обстоятельствах в нее свалился, поднялся, держась за дерево. Он был похож на зомби – кожа бледная, как у мертвеца, глаза пустые, нарядный дорогой костюм превратился в зловонное отрепье. Зубы отбивали чечетку. Он вознамерился куда-то двинуться, начал ориентироваться по сторонам света. Но что-то провернулось в голове, человек обмяк, сполз под ель, хватаясь за мягкие ветки. Это вздор, чушь, бред и околесица... Он тяжело дышал, пытаясь что-то вспомнить. Но лучше бы не пытался – тоска обуяла беспросветная, хуже смертельной удавки, он ткнулся лбом в пахучий прелый мох, задыхаясь, хватал себя за горло. Сжало грудь, и сердце вроде остановилось, но потом снова неохотно забилося. Ремиссия не наступала, он рухнул на спину, начал извиваться, чтобы продохнуть. Потом снова закопался носом в землю, плакал, давился землей, шептал какие-то слова, адресуя их разным людям, которые никогда уже не будут рядом...

Ясность сознания не наступала. Он понимал лишь, что лишился ВСЕГО в этой жизни и обеспечил себя неразрешимыми проблемами. Но что-то сработало в раздавленном рассудке, он различил посторонние звуки. Замер, прислушался. Порывы ветра доносили крики – перекликались мужчины, лаяли собаки. Вполне возможно, что искали ЕГО. Пусть не видели, как он выбрался из реки, но он мог попасться на глаза в дальнейшем, кому-нибудь из местных, а те в порыве законопослушания стукнули в соответствующую инстанцию...

Вадим поднялся и побрел в другую сторону от криков и лая. Падал, вставал, хватаясь за деревья. В какой-то момент он обнаружил, что облава прошла стороной, в лесу тихо, а ночь уже не за горами. Одежда высохла, стояла колом. Он в бессилии опустил на землю. И вновь его крутило и рвало. Жить не стоило, НЕЗАЧЕМ. «Уйди из жизни! – пронеслась «светлая» мысль. – Уйди, тебе от этого станет легче! Там темно, там нет никого, можно ни о чем не думать...» От этой мысли он приободрился, даже настроение вернулось. Теперь Вадим понимал, какое облегчение испытывают самоубийцы, уходя из жизни. Такая тяжесть с плеч долой! Он поднял полуметровую заостренную коряжину, воткнул ее в землю тупым концом и рухнул на нее животом, стиснув зубы, исключая раздумья и взвешивания. Плохой оказался из него специалист по харакири. Мог хотя бы рубашку расстегнуть. Он упал под неправильным углом, режущая боль вспорола тело, переломилась сухая коряжина, словно спичка. Вадим завыл от боли, катаясь по земле и проклиная свой дилетантский подход к делу. Повторять попытку было глупо, но желание покинуть этот мир стало лишь острее. Под ногами хлюпало, он опускался в заболоченную низину. Бледная видимость еще сохранялась. Он понял, что находится

рядом с гиблой Машкиной трясиной. Плохое место – непроходимая территория площадью в несколько гектаров к северу от Карагола. Низменность посреди тайги, в двух шагах – Волчья гряда, отпочковывающаяся от Стрелецкого кряжа. Под ногами чавкало и прогибалось, мох пружинил, но в начальное положение не возвращался. Вадим опустился на корточки, переползал с кочки на кочку, теряя последние силы. Все сильнее клонило ко сну. Блеснуло что-то в зарослях – «окно», гиблая топь, замаскированная болотной травкой. Вот она, «кладовая солнца», именно то, что ему сейчас нужно. Только так и следует уйти – чтобы ни тела, ни следов, ничего! Ни гроба, ни панихиды, чтобы медики из бюро медэкспертизы не ковырялись в его бранных останках. Пусть думают, что он живой, ищут, сбивают ноги. И снова он не думал о последствиях, смело шагнул в топь...

Вадим погрузился почти мгновенно по пояс. Вязкая субстанция облепила, он погружался в трясину, но уже не так быстро, со скоростью сонного дождевого червя. Он закрыл глаза, старался ни о чем не думать. Но в памяти помимо воли всплывали ржущие физиономии эков, разбегающиеся беззащитные люди, мертвые тела... Существует вероятность, что они ушли – на быстроходном судне с полным баком бензина. Две минуты – и они уже на Кашеевке, промчатся по течению мимо Карагола, а там на многие версты безлюдная местность, горы, скалы, река дает крутые изгибы, и возможностей укрыться от погони больше чем достаточно. Их будут искать, но найдут ли? Не помогут быстроходные катера и вертолеты. Если есть мозги, то они могут бегать достаточно долго, будут радоваться жизни, мучить и убивать людей. А поймают, снова на зону, возможно, на пожизненное, а зона им – мать родна. Это никакое не наказание.

Парень погрузился по грудь и вдруг опомнился. Что ты вытворяешь, кретин?! Он распахнул глаза, встрепенулся. Подался влево, вправо, попытался вытащить из трясины хотя бы ногу, но лишь быстрее начал тонуть. Главное, без паники! Вадим подался вперед, развел руки, принимая относительно горизонтальное положение, и слегка замедлил процесс утопления. Отдышался, начал грести, зацепился правой рукой за сухую ветку произрастающего на кочке куста. Сердце застучало, он схватился за ветку двумя пальцами, только не обломай этотдохлый сухойстой! Подался вправо, перехватил «соломинку» – ближе к основанию. И начал подтягиваться, преодолевая сопротивление топи – по каплям, пядь за пядью... Резко бросился, вцепился в стебель, имевший запас прочности, привлек вторую руку, начал выползать на сухое...

Приступы кашля рвали горло. Физическое состояние было мерзким, о моральном – лучше и не говорить. Он выбрался из низины, оглашая округу хрипами и кашлем. Пополз на брюхе, потом поднялся на корточки...

Была глубокая ночь, когда измученный человек, одетый непонятно во что, выбрался в нормальную сухую местность – метрах в семистах восточнее болота. Лесная флора в этом месте произрастала не очень густо. Но баррикады из бурелома и мертвых деревьев вздымались волнами, ходить здесь в ночное время было невозможно в принципе. В узком промежутке между завалами он чуть не сверзился в яму, напоминающую по форме свежевырытую могилу. Это было символично. Он нарвал еловых лап, бросил на дно. Спустился в яму, дотянулся до сушняка и трухлявых коряжин, сгреб груды, навалил ее на себя, чтобы не думали, что в яме кто-то есть, и под этим гнетом провалился в состояние, немного похожее на сон...

Вадим пробыл в этом состоянии без малого сутки. Очнулся от хруста валежин, от гула голосов. Он весь закоченел, голова была пустая, как дырявый таз. В прорехах между гнилушками темнело небо. По лесу шла цепь – слава богу, что без собак! Военные глухо кашляли, позвякивали металлические антабки, скрепляющие ремни с автоматами. Беглец не испугался – закончились времена, когда он чего-то боялся. Он затаил дыхание, ждал. По щеке ползла какая-то тварь божья, но он не обратил на нее внимания. Хруст нарастал, превращался в активную возню – солдаты, глухо выражаясь, покоряли завалы. Кто-то в сердцах ударил по коряге и охнул от боли, когда она осталась на месте, вместо того чтобы отправиться в красивый полет. Усмехнулся однополчанин, идущий рядом.

– Чо шизуешь, Губа? Впервые, что ли, работа в лес убежала?

– Ничего, – огрызнулся пострадавший. – Зла уже не хватает. В натуре, Колян, поймал этого стрелка, я его лично за пацанов на фарш пушу. А ну, не отставать! – хрипло гаркнул он. – Приходько, ты чего там, грибы собираешь? – похоже, этот тип был не просто безвестным рядовым, а носил высокое звание сержанта.

Крякнула толстая ветка над головой. Сержант ругнулся, нога провалилась в яму, в которой лежал разыскиваемый субъект. Он не стал выяснять, что за полость таится под ветками, потащился дальше, раскуривая сигарету, беглец почувствовал прогорклый запах второсортного табака.

Облава удалялась. Незадачливого жениха по-прежнему искали. Значит, было за что. Вояк из воинской части бросили на подмогу ментам, у которых не хватает людей, чтобы прочесать все окрестности... Он обливался холодным потом, скрипел зубами. В памяти всплывали ошеломленные, изъеденные страхом лица мальчишек из внутренних войск. Лопухий парень в конопушках, которого он забил до полусмерти, пока остальные хлопали ушами. Напичканный пулями сержант, еще какой-то паренек со смазливой внешностью – из тех, что нравятся женщинам, неужели он всех их убил в состоянии аффекта? Глухая безысходность давила к земле, он плакал и не мог остановиться. Лица истинных виновников несчастья вставали перед глазами – теперь он никогда их не забудет... Относительно молодые, до сорока еще не добрались. У внушительного субъекта с погонялом Лютый был тяжелый взгляд, пикническое сложение, альфа-самец зональной закваски, явно центральной в этой вшивой компании. Череп – повыше, жилистый, отменная реакция, взгляд с ухмылкой, физиономия откровенно матерная. Кирпич – тот вроде попроще, рожа как рожа, беспрекословно слушался Лютого, но глазки подленькие, с подковыркой. Вшивый – типичный блатарь, но отчаян и шустер, не побоялся прикрыть отход «старших товарищей». Кто там еще? Шиза? С этим вопросов нет, уже горит на сковородке – такие долго не задерживаются в небесном приемнике-распределителе... Будьте вы прокляты, суки! Он отомстит, достанет их, он даже в аду не даст им покоя! Пусть не завтра, через десять лет, пятнадцать, двадцать, он их достанет и приговорит...

Городок Карагол отходил ко сну, гасли окна в домах, когда в свете недобитого фонаря возникла обтрепанная личность. Смертельно уставший человек оперся на трансформаторную будку, обозрел пустую окраинную улицу. Перевел дыхание и заковылял по обочине. Свалился под оградой, оторвал штакетину от горизонтальной перекладины и перелез на участок. Он постучал в окно бревенчатого домика, за которым поблескивал электрический огонек. Распахнулась створка, кто-то ахнул от удивления. Его схватили сильные женские руки, заволокли в комнату. Нескладная девица с немой головой захлопнула фрамугу, задернула штору.

– Господи, Вадим, я чуть в обморок с тобой не упала... – Она подхватила его под мышки, доволокла до кровати. Но он не стал ложиться, сел на пол, прислонившись к кровати спиной. Она свалилась перед ним на колени, стала ощупывать, осматривать.

– Ты в порядке, не ранен? Боже, на кого ты похож... Горе ты мое Федорино...

– Все в порядке, Настюха, просто дико устал... Такое состояние, словно в меня КамАЗ с прицепом врезался. – Он уперся ладонями в пол, хотел подняться, но передумал.

Настя по прозвищу Фрикаделька продолжала охать над ним, порывалась куда-то оттащить, шуршала аптечкой, выискивая непонятно что. Она не спала до появления Вадима, решила подкрепиться перед сном: на столе рядом с компьютером обретались разорванный пакет с кефиром и надкусанный багет.

– Как дела, Настеньш? – просипел Вадим.

– Фигово, – она печально развела руками. – Вот грушу... под хруст французской булки... – и смутилась. – Прости, Вадим, но ничего упоительного в этом вечере нет... Все

потрясены, весь город только об одном и говорит, просто в голове не уместается, дичь какая-то. Тебя менты ищут и целая рота солдат с Ключевской зоны...

– Я знаю... Слушай... – Он напрягся. – Я не сильно тебя подставляю?

– Не обижай, Вадим, – она опять присела рядом, обняла, зашмыгала носом. – Мы все тебя так любим, господи. Ты только не волнуйся, с чего бы они стали следить за моим домом? Кто я такая? Банальная Фрикаделька, никому не нужная... Отец в командировке в Н-ске, он ни о чем пока не знает, одна живу. Всех допросили, трясли вчера весь вечер, еще и сегодня приходили, выпрашивали, куда ты мог податься. Я им популярно объяснила, что не имею представления, куда ты мог податься. Полагаю, поверили, больше не придут, не бойся! Вадим, я не могу... – девушка заревела, стала размазывать слезы по щекам. – Вы все там мучились, страдали, а я с девчонками банкетный зал наряжала, шарики надувала, ленточки вешала, пропади они пропадом... Лучше бы я с вами поехала, не было бы сейчас так хреново. Мы ждали вас, дорожку ковровую постелили, пацаны аппаратуру отладили, тамаду опохмелили. Потом Сенька Пчелкин прибежал весь белый, стал такое рассказывать...

– Кто выжил? – он погладил ревущую девушку по волосам.

– Господи, так ты не знаешь... – ее лихорадило от рыданий, она едва не грызла ему плечо. – Вадим, я не могу об этом говорить... Нади больше нет... Твоих родителей больше нет – все погибли у этих проклятых «тройняшек»... Борька Шустов погиб... Максим Горелов пока жив, он в коме, в Новокузнецк увезли, врачи сомневаются, что выживет... Твой дядя погиб, Иннокентий Иванович – его в воду бросили, а он плавать не умел... Девчонки погибли – Тамарка Ходасевич и твоя двоюродная Зойка... Вовка Куделкин, Иван Петрович Муромский... Семеро раненых, их по больницам развезли... Илья, кузен Нади, уже в больнице скончался, а у его Машки пуля в челюсти застряла, вытащить не могут...

– Что с родителями Нади?

– Все плохо, Вадим. Оба живы, но такие тяжелые... Алевтина Валентиновна в себя не приходит, возможно, и не придет – у нее две пули из живота удалили. Валерий Леонидович в сознании, но говорить не может – пуля пробила позвоночник, он парализован...

Она ревела так, что Вадиму приходилось ее успокаивать. У множества людей сломалась жизнь после этой проклятой свадьбы...

– Ты ведь голодный, – вспомнила девушка и вытерла глаза. – Ты хоть что-нибудь ел за эти дни?

– Нет, Настя... – отозвался Вадим.

– Я сейчас соображу покушать...

– Не надо, – он схватил ее за руку. – Не могу я есть, Настюха, кусок в горло не лезет, не переводи добро.

– Но как же так? – Она растерялась.

– Нормально все. Ты же не хочешь, чтобы меня тут стошнило на пол? Лучше водички принеси...

– Да, да, я сейчас. – Она засуетилась. – Заодно звоночек один сделаю...

Девушка вернулась через пару минут. Вадим уже поднялся, сидел на кровати, сжимая голову. Она загрузила ему в рот горсть таблеток, сунула ковшик с колодезной водой. Он жадно пил, давился, вода стекала на колени.

– В ментуру звонила? – пошутил Вадим.

– Спасибо, дорогой, – обиделась Настя. – И это за то добро, что я...

– Шучу я, Настеньш... Прости, это даже не шутка, это тупость какая-то...

– Я Шершню звонила. Сейчас примчится.

– С Шершнем все в порядке? – встрепенулся Вадим.

– Да чего с ним сделается, – отмахнулась Фрикаделька. – Живой он, по башке прикладом получил, небольшое сотрясение мозга, только на пользу. Люди рассказывали, – она пыталась

улыбнуться, – что Шершень успел в кого-то камнем засадить, а потом ему так засадили, что он под скалу брыкнулся...

Шершень примчался минут через пять – влез в окно, наспех одетый, бледный, с трясущейся губой. Кинулся к Вадиму, тоже стал его шупать, словно тот был каким-то раритетом, способным принести удачу.

– Фу, живой... – в изнеможении опустил рядом. – Ну, ни хрена себе кунштюк, жили не тужили, называется... Слушай, Вадим, ну, это трэш какой-то, до сих пор не могу это дело в башку затолкать.

– Ты в курсе, что творится? – спросил Вадим.

– Весь Карагол, блин, в курсе... – зачастил Шершень. – Трижды на допрос приглашали – дважды по беглым экам, а в третий – по тебе и местам, где изволит отсиживаться ваше высокочество. Могут за домом наблюдать, но я как будто проверился, огородами шел, на рожон не лез. Здесь глухо, Вадим, тебе отсюда надо ноги делать. Знаю, что все у тебя хреново, но ты помни, приятель, что выхода нет только из гроба. Зэки драпанули с зоны под Клюевкой – на шару ломанулись, внаглую, воспользовались внезапностью и неурочным временем. Полдень ведь – какие, на хрен, побеги? Напали на караулку, когда там только четверо было, забрали оружие, двоих прирезали, двоих – с собой, типа заложники, грузовиком пробили ворота, и в бега... Цирики аж облезли от такого нахальства. Снарядили погоню, а те в лесу машину бросили, заложников прикончили и давай пешим порядком на запад пробиваться... Их бы в натуре взяли, Вадим, кабы не наша «Чайка». Уплыли из-под самого носа. Мимо Карагола пролетели – эта посудина такая быстрая... А дальше – куча извилин... тьфу, излучин, места глухие, только туристы изредка. Их гнали на полном серьезе – с вертолетами, с катерами, вояк согнали сотни три. Бесполезно. Как корова языком слизала. Сегодня днем нашли нашу «Чайку» – стоит, пришвартованная в бухточке, с вертолета не видно, потому что скала нависает, на судне только труп капитана Черняги – хомут на беднягу надели... Это километрах в сорока от Карагола. Дальше по течению – палаточный лагерь и восемь трупов... Студенты из Барнаула отдохнуть приехали. Всех постреляли, а девчонок еще и насильничали перед этим. Парней раздели – так что теперь они в гражданской одежде щеголяют. Это звери какие-то, Вадим. Просто звери – убивают, что водку пьют... Еще и умные звери, головы у них работают. Помяни мое слово, Вадим, – разгоряченно шептал Шершень, – если их сразу не поймали, то теперь уж точно не поймут. Растворятся на просторах, уйдут на дно, отсилятся у вольных корешей, ищи их теперь, свищи... Может, они здесь в соседнем районе, а может, уже в Белокаменной, или в Нске, например. Слушай, Вадим, я понимаю, что эти зверюги натворили и что ты к ним испытываешь... – как-то оробел приятель. – Блин, у тебя такая рожа, ты бы видел свои глаза... Забудь о мести, дружище – это не ты, это ТЕБЯ сейчас с собаками по всей России искать будут. Да что нашло на тебя, на фига ты стал пулять по тем воякам? Нет, я понимаю... – сокрушенно вздохнул Шершень. – Мне Дуська с кассы рассказала – подружка Надина, она сбежала при первых выстрелах, из кустов все видела, что это солдаты твою Надю... – Шершень напрягся и замолчал.

Несколько минут стояла тоскливая тишина. Всхлипывала Фрикаделька. Шершень не знал, куда деть свои руки. Вадим тоскливо проницал пространство вблизи занавешенного простыней зеркала.

– Послезавтра всех погибших хоронить будут... – потрясенно прошептала Настя. – Восемь человек, боже мой... А ведь их больше станет, не выживут многие... По-хорошему надо завтра хоронить, на третий день, но там какие-то следственные действия, экспертиза, еще какая-то хрень... В общем, послезавтра всем городом будем ныть и в истерике биться.

– Ты, главное, не высывайся, Вадим, – начал убеждать Шершень. – Ну, я имею в виду похороны, все такое... От этого ведь ничего не изменится, верно? Спрячься, не лезь на люди, я шепну тебе адресок – охотник знакомый, у него заимка в Чуруханском бору, там отсидишься,

пока не утрясется. Сейчас помойся, Фрикаделька тебя переоденет, у ее отца примерно твой размер, не обидится человек. Я дам тебе телефон для связи... Настюха, пожрать собери человеку. Не хочет сейчас – потом пожрет. А я начну вентилировать проблему, ведь должны быть какие-то решения.

Неожиданно раздался громкий стук в дверь, все трое вздрогнули, со страхом уставились друг на друга. Вернее, Фрикаделька и Шершень уставились на Вадима, а ему приходилось смотреть то на Фрикадельку, то на Шершня...

– Горбунова Анастасия, откройте дверь, мы знаем, что вы дома! – прогремел командный голос. – Открывайте живее, это милиция!

– Твою дивизию... – убитым голосом поведаль Шершень и побледнел. Нервно дернулся, зашептал: – Слушай, Вадим, это не я, зуб даю, мамой клянусь, памятью друзей, ты же знаешь меня... Я никогда на такое западло...

– И не я... – спотыкаясь, бормотала Фрикаделька. – Вадимчик, я же не такая подлая стерва!

– Горбунова, открывайте, сколько можно ждать? – в дверь долбили со всего размаху.

– Успокойтесь, ребята, – устало улыбнулся Вадим, поднимаясь с кровати, ноги практически не держали. – Все в порядке, я знаю, что это не вы. Вы просто лажанулись – либо телефоны на прослушке, либо Шершню хвост подпалили, когда он из дома линял. Открывай, Настюха. Они не знают, что я здесь, могут только догадываться... Шершень, а ты раздевайся догола и ныряй в койку – пусть прикалываются хоть до посинения. А заметут меня – вы не виноваты, я сам пришел, угрожал, требовал достать деньги...

Вадим шагнул к окну, а Настя уже орала на весь дом, что сейчас она откроет. Она бы и рада это сделать быстро, но не может, поскольку немного не одета, и вообще, она не одна. А дверь уже тряслась, выступал хор из прокуренных голосов. Вадим ударил по выключателю настольной лампы, погрузив комнату в темноту, поволок на себя фрамугу окна. Но разум у обложивших его ментов, к сожалению, имелся. Распахнулась вторая створка, и с улицы на подоконник с хриплым лаем: «На месте, урод, стрелять буду!» – обрушилось грузное тело в милицейской форме.

Но спрыгнуть в комнату оно не успело. Адреналин плеснул в изможденный организм, конечности наполнились силой. Вадим схватил за спинку стоящий рядом стул, обвешанный различной одеждой, и треснул этим стулом мента по морде, нанеся ему непоправимые «физиономические» увечья. На улицу спустя мгновение вывалились трое – мент, остатки стула и Вадим. Служитель правопорядка что-то блеял, хватаясь за лицо, сучил ногами, обломки мебели полетели в куст, третий «предмет» покатился за ними, круша ни в чем не повинную вишню, на которой уже наливались мелкие розовые ягодки. Все вокруг пришло в движение, взорвалась округа, послышались вопли, выстрелы. Верещала Фрикаделька, которую чуть не затоптали бегущие по дому милиционеры. Сипло хлопали «макаровы» – уму непостижимо, в кого они стреляли... Виновник торжества пробежал лишь несколько метров, после чего подкосились ноги, он повалился между клумбами. И очень кстати, в этот момент в сад нагрянули люди в форме, они подбадривали себя матерными словами, светили вокруг, метались туда-сюда. Но никому из них не пришло в голову посветить у себя под ногами. Вадим полз между грядками, ему едва не оттоптали ноги! Они промчались мимо, а парень благополучно заполз за сарай, втиснулся в крапиву и начал выламывать штакетник. Не судьба ему сегодня помыться, переодеться, запастись провизией и обрести адресок верного человека. Ну, что ж, эта «не судьба» вполне тянула на конкретную судьбу. Дом сотряснулся от топота и матюгов, тряслись кусты в саду, загорались окна в окрестных домах, граждане едва уснули, пришлось просыпаться. Вадим вывалился в переулок, заросший лопушиными листьями, куда-то брел, держась за заборы и примыкающие к ним гаражи. Организм отдал последнее, чтобы провести рывок. Теперь он чувствовал себя деревцем, способным упасть от любого дуновения. В

эту ночь ему сияла счастливая звезда. Он добрел до ближайшего переулочка, залез в кусты за колодезцем и не меньше часа лежал на холодной земле. Вдалеке еще кричали, гудели машины. Мимо колодца пробежали несколько взбудораженных мужчин. Он ни на что не реагировал, силы иссякли. Настала тишина, он выполз из кустов, потащился по переулочку к околице. Вадим брел к опушке по зеленому лугу, заросшему одуванчиками, глядя на луну, озарившую округу мертвенно-бледным сиянием. В самые дебри он не полез. Рухнул на траву за первыми деревьями, завыл, стиснув зубы, он переживал такую душевную ломку, по сравнению с которой ломка наркомана была ничем. Затравленный, загнанный, он вновь не видел смысла в своих попытках пережить случившееся...

Наутро оборванный человек выбрался из леса и шатко побрел к дороге. Ноги подкашивались, каждый шаг был чреват. Но он не падал. Несколько раз останавливался, позволял себе передышку, подставлял землистое лицо восходящему светилу и двигался дальше. От нарядного костюма остались унылые воспоминания. Модные туфли превратились в облепленные грязью калоши. Рубашка почернела, галстук он выбросил после того, как убедился, что это не самое подходящее для комфортного повешения приспособление. Глаза запали, лицо казалось перекошенной маской. Оно не выражало НИЧЕГО. Он медленно шел к дороге, временами массируя грудную клетку – вдохи полной грудью доставляли болезненные ощущения.

На обочине стоял подержанный микроавтобус с залепленными грязью номерами. Принадлежность транспортного средства к войсковой части не вызывала сомнений – белые символы на черном фоне регистрационного знака. Рядом с машиной мялись автоматчики в камуфляже. В последние дни удивить такими постами местных жителей было невозможно. Вадим стал медленно к ним подходить. Автоматчики удивленно на него уставились, не сразу разглядев лица. Потом заволновались, стали стаскивать с плеч автоматы. Двинулись навстречу, передегивая затворы. А парень их не видел – брел, словно по колено в воде, тяжело отдувался. Он остановился лишь после того, как уперся в цепочку озадаченных вояк.

– Офигеть, – сказал один. – Вот он, падла, сам пришел. Что, сударь, прогуливаемся в окрестностях родового поместья? Пообносился ты чего-то, мать твою...

Взлетел приклад «АК-74», ударил плашмя по виску, и Вадим повалился на землю, не изменившись в лице. Его глаза смотрели в небо, кровь сочилась из лопнувшей кожи.

– Иваненко, зачем? – неодобрительно поинтересовался однополчанин.

– А что с ним прикажешь делать, сержант? – боец презрительно сплюнул на кряхтящее тело, оно пыталось приподняться. Имелось в этой безжизненной позе что-то унижительное. – Он ведь наших пацанов поубивал, двоих покалечил, сука...

– Подожди, – задумался сержант. – Мне рассказывали, что у этого кренделя наши парни невесту убили – случайно, но все-таки. А эки, что сбежали, – родных, друзей...

– Да мне плевать, сержант, – озлобился обладатель приклада. – Вовка Писемский мне лучшим друганом был, мы с ним вместе призывались. Я как теперь перед его Кирикой отчитываться должен? Почему не сберег пацана? Да она мне башку оторвет! У них же типа любовь до гроба, его девчонка на той неделе в часть приезжала, Вовке даже увольнительную выписали, чтобы с девкой покувыркаться. Он потом счастливый ходил, как дурачок. Говорил, что женится осенью, как дембельнется. Вот же судьба-злодейка... Пять месяцев до дембеля – а он уже «двухсотый», и ни хрена ему не надо, вчера на родину похоронку отправили. А все из-за этого кренделя.

– А ну, стоять, Иваненко! – обзлившийся боец собрался вторично отоварить беглеца, но сержант перехватил автомат. – Прекращай, говорю, кретин! В дисбат захотелось? Так ты уверенно движешься в этом направлении! Эй, пацаны, хватайте этого перца, тащите в машину, а я пока с Ключевкой свяжусь...

Все последующее время смешалось в голове у Вадима, он был словно в тумане. Его почти не били, он и так на ладан дышал. Парня доставили в следственный изолятор в райцентре, провели первичный допрос, на котором арестант сполз на пол и облился собственной рвотой. «Клиент» попался не вредный, выгораживать себя не стал, признал вину, за что и был снисходительно отправлен под конвоем в больницу. Он понятия не имел, что в него кололи, чем поили и кормили. Временами возникали пытливые люди в белых халатах, а в коридоре дежурила милиция, посматривая на больного с взаимоисключающей смесью злости, уважения и сочувствия. Наутро снова был допрос, он чувствовал себя гораздо лучше, оказалось, что не был ранен, просто измотан и потрясен. Вадим ответил на все вопросы, и впервые в его глазах мелькнуло что-то адекватное. Он лишь попросил: «Будьте людьми, граждане милиционеры, сегодня похороны, хоронят мою жену, моих родителей, друзей. Я должен присутствовать, окажите последнюю милость, а я, в свою очередь, обязуюсь все подписать, во всем признаться и на суде вести себя пайнкой...»

Смущенные милиционеры не нашли причины отказать заключенному. Вернее, причины-то были, но сверху поступило распоряжение: пусть будет так, как он хочет. Но чтобы никаких попыток к бегству. И не засиживаться на поминках.

На поминки его не пустили. И браслеты не снимали весь день. Четверо типов в форме постоянно торчали рядом и чувствовали себя крайне неловко под уничтожающими взглядами горожан, пришедших проститься с погибшими. На кладбище собралась половина Карагола. Был приятный солнечный день, березки шелестели листвой, любопытные вороны с ветокзирали на происходящее. Люди плакали, говорили какие-то слова. Потом бросали землю на крышки гробов. Обливалась слезами Настя Фрикаделька. Ромка Коноплев по кличке Шершень снова не знал, куда деть руки – то засовывал их в карманы, то прятал за спину. Он с жалким видом таращился на Вадима, к которому его не подпускали. Вадим стоял окаменевший, со скованными руками, ни на что не реагировал. Только ветерок шевелил непричесанные русые волосы. Он стоял особняком, людей к нему не подпускали, лишь выжившую тетушку по материнской линии (она не была на свадьбе, поскольку ездила на похороны подруги), которая разревелась у Вадима на плече. Работники ППС, их здесь собрали на всякий случай, украдкой пошучивали: «Это кто такой? Иисус из Назарета?» – «Да нет, это Платов из лазарета».

И только в камере он дал волю слезам. Парень метался по шконке, бился головой о матрац, рычал, как бульдозер, вызывая недоумение у соседей за стенкой и неспящих контролеров. А по истечении бессонной ночи поклялся сам себе, что никогда больше не даст волю эмоциям. И больше этого не делал. С каменным лицом он ходил на прогулки, посещал помещения для допросов. Со следователями общался сдержанно, чистосердечно признал свою вину в содеянном, но категорично отказывался брать на себя что-то большее. Его не били, с этим парнем все было понятно. Работники милиции старались не смотреть ему в глаза – там была глухая бездна, насыщенная безысходностью. Никто не понимал, о чем он думает, и думает ли вообще. Несколько раз к нему приходил адвокат, нанятый выжившими друзьями, доходчиво намекал, что имеется возможность скостить срок. Ведь было состояние аффекта, первая судимость, чистосердечное признание. Ему было до лампочки. Вадим не хамил защитнику, но и не рвался с ним сотрудничать. Зачем? Он совершил тяжкое преступление и должен ответить. В свободное время он лежал, скрестив руки на груди, смотрел в потолок. По лицу арестанта носились тени, временами вселенская тоска подступала к горлу, и тогда в его глазах поселялись яркие светлячки. Его нормально кормили, не терзали допросами. Претензий к правоохранительным органам у заключенного не возникало. Лишь однажды по завершении допроса он обратился к следователю с вопросом в качестве исключения. Пойманы ли те самые беглые эки, убившие при побеге конвоиров, расстрелявшие свадьбу под Караголом, умертвившие капитана «Чайки», восьмерых студентов на Кашеевке?.. «Их ищут», – лаконично ответил

следователь и помрачнел. Он заметил, что в лице арестанта при этих словах мелькнуло некое выражение, заблестели глаза, хищно раздулись ноздри...

На суде Вадим сидел неподвижно, созерцал лица зрителей, участников процесса. От присяжных заседателей решили отказаться – слишком много «соплей» в этом деле, требуется решение беспристрастного специалиста. Прошли допросы свидетелей со стороны защиты и обвинения. При прении сторон принципиальный прокурор (явно спевшийся с военными) давил на тяжесть содеянного обвиняемым, адвокат – на отличные характеристики подзащитного. Тяжесть деяний сомнений не вызывала. Да, подсудимый действовал в состоянии аффекта – на его глазах расстреляли родных и друзей. А потом солдаты российской армии по чистой случайности, отрицать было глупо – многие это видели, – его невесту. И тем не менее явно грозила статья 105, пункт второй: убийство двух или более лиц в связи с осуществлением данными лицами служебной деятельности. Лишение свободы от восьми до двадцати лет, либо пожизненное заключение. Статья 111, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, с особой жестокостью, в отношении двух или более лиц, исполняющих свои служебные обязанности – лишение свободы от пяти до двенадцати лет. Его судили не только за убийство и избиение солдат – судили также за глумление посредством стула над сотрудником полиции (а челюсть бедолаге он раздробил основательно), та же самая 111-я – и уже никакой надежды, что спасет состояние аффекта. Не было в ту ночь никакого аффекта, обвиняемый прекрасно знал, что он делает.

По совокупности преступлений, предусмотренных статьями, учитывая все смягчающие и отягчающие обстоятельства, суд рассмотрел и постановил – назначить наказание в виде пятнадцати лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Дали две недели на обжалование приговора, если есть к тому расположение. Но что это даст?

И на нары, брат, на нары. В не столь уж и далекий Красноярский край.

Часть вторая

Где-то в Красноярском крае. Десять лет спустя

Колония общего режима, расположенная в глуши Хазаровского района, взбунтовалась 22 сентября. Дозрело и прорвало – с мощным выбросом отрицательной энергии. На зоне бунт, над нами чайки реют! Даже старожилы не могли припомнить чего-то подобного в этих скорбных стенах. Повод был банальный – как на броненосце «Потемкин»: тухлая еда. Реальные причины залегали гораздо глубже. Зона относилась к разряду «красных» или «козлиных» – на замкнутой территории площадью несколько гектаров главенствовал режим. Жесткий, суровый, не позволяющий блатным не то что развернуться, но даже вспомнить, что у них имеются в этой жизни какие-то права. Активисты и персонал безжалостно давили любые позывы к свободомыслию и попытки жить по понятиям. Двери карцеров всегда были открыты для блатарей. Над ворами издевались, не считали за людей, создавали невыносимые условия для обитания. Могли часами строем гонять по плацу, как каких-то «духов»-новобранцев. «Кумовья» из оперчасти копали под каждого, знали наизусть все слабые стороны заключенных и умели ими ловко манипулировать. За малейшую провинность – карцер. За попытку взбунтоваться, качнуть права – жестокое избиение. «Суки», науськанные администрацией, наваливались толпой, учиняли «темную», и провинившийся зэк потом неделю харкал кровью и глотал таблетки от головной боли. Сучьи отряды регулярно проводили облавы и рейды в «блатных» бараках, изымали все, что формально считалось запрещенным, подвергали зэков бесконечным унижениям, получая от этого колоссальное удовольствие. Вот и вчера не успели замордованные зэки закрыть глаза, как нагрянула ватага из козлиной секции с красными повязками. Шмон великий – повальный обыск. Изымали все, попутно унижали и отпускали затрешины, вскрывали потаенные нычки, глумились по полной программе, а потом ушли, довольно похохатывая, оставив после себя вселенский разгром. Зэки скрипели зубами, зализывали раны, проклиная «барина» – майора Долгопятова, начальника колонии. Падла высшего разряда, целиком и полностью отморозенная.

Терпение лопнуло. Взбунтовалась ярко выраженная серость. Вначале было слово. Неприличное. Потом кому-то дали в морду. И понеслась гулять волна по блатным баракам, забродило болото, пошла коллективная вонь – сила корпоративного духа. На баррикады, блин! Взметнулся лес заточек и шаберов – все не конфискуете, суки! Выплеснулась из бараков разъяренная лавина в серых бушлатах, пошла куролесить по зоне. Избивали контролеров, не успевших смыться, заперли бедолаг в карцере, чтобы не мешались. Показывали неприличные жесты часовым на вышках, которые остолбенело наблюдали за происходящим. Помчалась толпа, вооруженная железками, на бараки с козлиными секциями, активисты орал от страха, пытались оказать сопротивление, но их буквально смели. Били, вымещая зло, калечили, пускали «кагор». Впечатление стихийности происходящего было налицо, а так ли это на самом деле, не стоит ли за происходящим некий изворотливый ум – никого пока не волновало. Начальника колонии, имевшего в этот день законный выходной, истошный телефонный звонок вытряхнул из постели. Он поразился, мол, какой, к лешему, бунт? У вас что там, грибы на завтрак?! Срочно вызвал ОМОН, помчался на работу. А там такой «день десантника»... Зона бурлила, взрывалась. Никогда блатные не представляли какой-то силы – разобщенные, униженные, а тут вдруг выяснилось, что это не так. Несколько сотен заключенных, истекающих адреналином, правили бал. На какое-то время зона перешла под их полный контроль. Бараки, мастерские, клуб, подсобные строения... Корчились в пыли истекающие кровью «козлиные» тела. Уцелевшие активисты бежали в котельную, набились в нее под завязку, заперлись и пока не представляли реальной угрозы – слишком были деморализованы. А вокруг зоны уже кипели события.

Из поселка Засино прибыла «тревожная» рота внутренних войск, заняла позицию у запертых ворот, через которые летели кирпичи, бутылки с зажигательной смесью. Вертолет барражировал над территорией. Из райцентра, расположенного на востоке, спешили грузовики с ОМО-Ном. Разворачивалась спецоперация «Вулкан-3» – пресечение массовых беспорядков в местах лишения свободы. Было приказано немедленно оцепить зону, чтобы мышь не проскочила.

Но зэки не дремали. Вздурораженные, вставшие в неистовство, пока еще не отдающие отчета своим поступкам, они подперли ворота грузовиком, занимали позиции на стенах, крышах бараков. Неслись в эфир из отобранных телефонов воззвания к помощи родным, адвокатам, друзьям на воле – помогите, поддержите, янычары лютуют и беспредел творят! Просили, чтобы не замяли это дело, не создали информационный вакуум вокруг событий в колонии. Пусть весь мир знает, как обращаются с бесправными российскими заключенными!

– Братва, из шайтан-трубы шмаляют! – истошно завопил какой-то зэк, слетая со стены.

И вот уже разразилась пальба из гранатометов, омовцы швыряли через стену дымовые, световые гранаты. Зэки, толпящиеся под воротами, затыкали глаза, уши, метались, натываясь друг на друга, кашляли в дыму. А на прорыв уже вставали крепко сбитые мужчины в полной амуниции, с пластиковыми забралами на шлемах, забирались по веревкам на стены, готовились подорвать ворота.

– Мочи астронавтов, братва!!! – ревели зэки с отчаянием обреченных.

И никто не видел, как из-за склада с цементом на западной стороне огороженной территории выбрались четыре фигуры в серых бушлатах, кирзовых сапогах, в натянутых на уши форменных шапках. Они по одному перебежали пустырь, украшенный застывшей бетономешалкой, ввалились в пустой деревообрабатывающий цех.

– Гы-гы, наше вам с кисточкой... – хохотнул жилистый, сравнительно молодой зэк с белесым шрамом, повторяющим изгиб скулы. – Прикольно барнаулят пацаны. А мы тут, понимаешь, тютю...

– Не говори гоп, Полосатый, мы еще никуда не ушли! – просипел плечистый, плотно сложенный субъект с кирпичным лицом и неласковым взглядом. Он поедал глазами полумрак, в котором проступало станочное оборудование, складированные доски, деревянная тара.

– Так пошли, Кот, чего мы тут зависли? – шипел сиделец со шрамом, нетерпеливо газуя. – Эти космонавты сейчас прорвутся, дождемся, что «портал» закроется...

– Не баламуть, Полосатый, – отрезал плечистый и хмуро покосился на двух других, застывших в ожидании.

Один из зэков был откровенно толстоват, что, впрочем, не сказывалось на его мобильности. Мясистый, с рыхлыми щеками, он размеренно дышал, выражая всем видом невозмутимость и сдержанность. Другой нервничал – молодой, гладкий, весь какой-то вылизанный, до неприличия лощеный, насколько это возможно в данном месте и в данной компании. Впрочем, последние несколько дней он не брился – на щеках и подбородке топорщился рыжеватый пушок, отнюдь не придающий ему мужественности.

– Килька, Тюлень, вы готовы? – проворчал зэк с погонялом Кот. – Учтите, сладкой жизни не обещаю. Будет хреново, но если кто-то из вас хоть раз вякнет...

– Да, да, Кот, я готов... – отчаянно моргая, закивал молодой. Он дрожал от волнения, гладкая физиономия лоснилась от пота.

– Кот, не тащи дохляка по асфальту... – поморщился рыхлый Тюлень. – Пошли уже...

Кот прислушался. В восточной части зоны гремело настоящее сражение. Отрывисто гавкали автоматы, бурлила и гомонила человеческая масса. Трещали ворота, прогремели несколько взрывов. Пора. Делать в цехе, в общем-то, было нечего. Цепочка беглецов обогнула стационарный распилочный станок и втянулась в коридор с помещением для охраны. В этот час здесь никого не было, все служивые разбежались – событие уникальное, в этих стенах постоянно толкуются и отдыхают работники охраны. Все шло по плану. Узкая дверь в глубине

помещения между топчанами, тесный коридор, лестница вниз, царство котлов, канализационных труб, пронзительный запах сырости и цемента. Ремонт канализации еще не завершили, прервали неделю назад в связи с недостатком финансирования, и старый коллектор временно заморозили. А для нужд цеха использовался резервный, менее мощный по пропускной способности. Два удара ломом, и разрушилась кирпичная кладка, взору возбужденных эков предстала обросшая плесенью труба диаметром не меньше полуметра. Вот она, пахучая тропинка к свободе, не обманули «вольные каменщики», ковырявшиеся в подвале...

– Куда поперед батьки? – ухмыльнулся Кот, хватая за шиворот разогнавшегося Полосатого. Он оттащил его, разочарованно пыхтящего, полез первым. – Килька – за мной, потом Тюлень. А ты, Полосатый, будешь в заднице, на шухере, и не трындеть!

Они ползли по зловонной трубе, надрывно дышали, изнывали от нетерпения. Темнота царила крошечная, воздуха практически не было.

– Кот, долго еще? – сипел Тюлень, испытывающий вполне понятные неудобства. Дыхание срывалось, сиплый кашель рвался из груди.

– Заткнись, Тюлень... – хрипел ползущий в авангарде Кот. – Сколько надо, столько и будешь, сука, ползти...

– Тюлень, че за ноги хватаешь? – возмущался тоненьким голоском Килька. – Я на буксире тебя тащить должен?

– Э, в натуре, чо за хрень? – вдруг возмутился замыкающий процессию Полосатый. – Слышь, братва, за мной, кажется, кто-то увязался. Вроде за ноги хватают...

– С дуба рухнул, Полосатый? – заржал Тюлень. – Рановато еще для глюков.

– Да не, в натуре, братаны... – Полосатый норовил изогнуться. – Ползет какой-то фуфел, в задницу дышит. Щас я его пяткой... Вот сука, увернулся... Слышь, Кот, я не шизую... – Полосатый уже всерьез нервничал. – Тут реально кто-то есть! Дышит, зараза, помалкивает...

– Да кто там может быть? – забеспокоился Кот и невольно пополз быстрее. – Кабы вертухай, чего бы они там молчали и пыхтели?

– А я знаю, Кот, что это за кекс? Подпись неразборчива, млин... Слушай, мне тут реально как-то шухерно, давайте по-пырому...

Волнение замыкающего передалось всей компании. Отдувался Тюлень, двигая коленями, заохал разогнавшийся Килька, которому «бригадир» засадил пяткой в лоб. Впереди уже мерцала вертикальная шахта, выложенная кирпичами, что-то вроде трубосборника, куда сходились трубы разного диаметра. Тоннель в этом месте был разобран, и компания могла передохнуть, отдышаться. Кот выбрался в шахту первым, зафиксировав в дальней стене продолжение нужной трубы, а над головой, метрах в восьми, стальную решетку, выломать которую смог бы только бульдозер. Виднелось пасмурное сентябрьское небо, зону оглашали отдаленные крики, грохот – еще не стихли разборки. В колодце сохранялась незначительная видимость, нужды в фонаре не было. Кот привалился к стене, закрыв спиной трубу, сунул руку под бушлат, нащупав рукоятку ножа. Вывалился Килька, скорчился под стальной скобой, со страхом уставился на кряхтящего Тюленя, который выбирался с такой натугой, словно был поршнем в гидравлическом цилиндре. Четвертым вылутился психованный Полосатый, скакнул к стене, выхватил заточку из сапога.

И тут появился пятый – темная лошадка, не предусмотренная сценарием. В таком же бушлате, в стоптанных кирзовых сапогах, он выполз из трубы и привалился к ней, не делая агрессивных движений. Ладно сбитый, не рослый, но и не шпендик. Щетина отливала свинцом, глаза лучились изумрудным блеском. Он молчал, исподлбья разглядывая остолбеневшую компанию. Полосатый что-то прорычал, метнулся, занося заточку, но тот не шевелился, словно не чувствовал нависшей опасности. Полосатый растерялся, решил повременить с ударом, что-то фыркнул, отполз к стене.

– А это что за Василий Алибабаевич? – нарушил тревожное молчание Тюлень. Новоприбывший усмехнулся, давая понять, что знаком с советскими комедиями.

– Не вкурил... – сглотнул Полосатый. – Чо за пассажир такой?

– Он не наш, он в натуре не наш... – загозил Килька. – Полосатый, замочи его, чего он тут...

– А ну ша! – прорычал Кот и смерил незнакомца сложным взглядом. – Ну, давай, мил человек, бухти, кто такой, какими судьбами, кто еще за тобой тянется...

– Больше никого, – бесцветно улыбнулся зэк. – Не бойтесь, мужики, не зашухарили вашу малину. Только я. От поезда отстал – вот и не местный.

Он не лез на рожон, но держался с достоинством, знал себе цену.

– Вроде не из нашей кошары... – всмотрелся в незнакомца Полосатый. – И не похоже, что из Абвера. Нема там таких... Но что-то бухтит этот фуфел не по тексту, братва, тухлый он какой-то.

– В компанию примете? – простодушно осведомился зеленоглазый зэк. – Глядишь, и пригодимся друг другу. Платов моя фамилия. Вадим Платов. Четвертый отряд.

– Ну, точно, – проворчал Тюлень. – То-то я смотрю, рожа знакомая. Из корчаков он, пацаны, мужицкая секция, имеется там такой фраер. Из тех, которых труд облагораживает.

– Ага, весь такой благородный, – фыркнул Полосатый. – Чо, брателло, облагородился, теперь можно и в бега?

– Будут пирожки – будут и дружки, Плата? – язвительно спросил Кот, пожирая глазами нового человека в компании. – А ты, я погляжу, не промах? Знал, что когти рвать будем, хитро на хвост упал. На готовенькое потянуло, дружан? А вот если мы в натуре щас тебя замочим, как ты к этому отнесешься? На хрена ты нам сдался, нам что, головняка не хватает? Чем докажешь, что от тебя не только морока?

– В деле хочешь проверить? – усмехнулся Вадим. – Послушай, Кот, – его лицо приобрело серьезность, покрылось тенью, – я знаю, ты мужик серьезный, авторитетный, если что-то делаешь, то звякалом не гремишь и понтами не лязгаешь. Я – без подлости, зуб даю. Плата не козел, может постоять за себя и окружающих – вот он вспомнит, – кивнул он на Тюленя, – если память напряжет. А то, что понятий ваших блатных не признаю и в компании вашей в куличики не играю... Скажи, оно тебе сейчас очень важно? Тебе бойцы нужны или родные по духу блатары? Еще раз говорю – поможем друг другу, а как уйдем с кичи, окажемся в без-опасном месте – так разойдемся краями, вполне довольные друг другом. Принимай решение, Кот, не тяни, двигать надо.

– Он, кстати, прав, – проворчал Тюлень. – Ничего худого за этого паренька не скажу. Это он по ходу отвалтузил Пельменя и Лохидзе, когда они какого-то мозгляка из корчаков пристроились опустить. Две недели потом недоумки кровью мочились, а этот ловкач недельку на кичме посидел, и хоть бы хны.

– Вот я и говорю, тухлый он какой-то, – процедил Полосатый, вертя заточку между пальцами.

– Господи, Кот, да пусть идет с нами... – с бабьей жеманностью заныл Килька и заткнулся, не выдержав испепеляющего взгляда.

– Ладно, не время терки чинить, – проворчал Кот. – Потом разберемся. Полосатый, следи за этим фраером. Если что, ты знаешь, что делать.

И снова они ползли по заброшенной трубе. Уход из зоны был действительно неплохо продуман. Ответвление от тоннеля, горизонтальная шахта квадратного профиля, под ногами хлюпала жижа, но здесь уже можно было подняться. Они брели по щиколотку в зловонной жиже. Впереди уже что-то мерцало, разливался тусклый свет. В былые времена нечистоты из трубы сливались в овраг, по дну которого бежала речка. Она и сейчас бежала – мутная, шириной в метр, испускающая гнилостный дух. Но из трубы уже давно ничего не выливалось.

Люди попадали в овраг, сдавленно выражаясь. Оступился Килька, чуть не покатился в воду, но Вадим схватил его за шиворот, швырнул обратно – уберег котенка от утопления. Ухмыльнулся Кот, наблюдавший за этой сценой. Затем вся бригада кралась по склону оврага, залегла за обрывом. Всех трясло от возбуждения. Зона была как на ладони. Задворки, «задняя дверь». Завалившиеся хибары за пределами запретной территории, ржавеющая автомобильная техника, с которой давно сняли все полезное. В двух шагах – кладбище колонии: мшелые кресты, могильные холмики, заросшие бурьяном. Здесь, как правило, погребали тех, кто не имел родственников, либо тех, кого родня отказывалась забирать...

За хибарами виднелся забор, опутанный колючей проволокой, фрагмент запретки. Торчала, как минарет, караульная вышка с часовым. Служивый отвернулся, глазел на зону, там по-прежнему протекали события, вопили люди, отрывисто гавкали выстрелы. Мятаж еще не подавили. Клубился дым – примерно в тех краях, где находилось здание администрации. Все обернулись как по команде. За спиной, на западе – спасительная, глухая, растянувшаяся на многие версты чаща, прорезаемая лишь проселочной дорогой на севере. Махнуть через «переплюку», взобраться на противоположный склон оврага – и шустро в тайгу. Каких-то полтора метра, и хрен найдут! Если часовой, конечно, не обернется...

– Шмырь стоит, падла... – скрипнув зубами, процедил Тюлень.

– Замочить бы цирика, – размечтался Полосатый. – И готовая дырявая аллея.

– Может, не оглянется? – жалобно размечтался Килька.

– Оглянется, зараза, – скривившись, вымолвил Тюлень. – Как пить дать оглянется. Будем тут торчать – ни хрена не оглянется. А как рванем – так сразу оглянется. Закон подлости называется.

Вадим украдкой покосился на Кота. Главарь сосредоточенно размышлял, грызя какой-то корешок. Он колебался, то косился через плечо на тайгу, то гипнотизировал спину военнослужащего.

– Пошли, – на выдохе бросил Кот, смерив Вадима неласковым взглядом. – Прорвемся. Да не спать мне тут, шевелите колесами.

И первым скатился к речушке, перемахнул через нее и стал карабкаться на противоположный склон.

Заключенные неслись по лугу так, словно за ними гнались голодные львы. Полосатый, закусив губу, гнал страусиными прыжками, то и дело оборачивался. Кот сосредоточенно сопел, он был в отличной физической форме. Отдувался и хватался за бок полноватый Тюлень, физиономия багровела, тряслись щеки, но ноги работали. Прыгал, как козлик, Килька и стонал при этом, словно ему шприц в задницу засовывали. Вадим бежал, не оборачиваясь, берег дыхание. Но случился конфуз, нога у Кильки провалилась в кочку, он покатился, как полено, издавая жалобные причитания. Бегущий следом Кот отвесил ему смачного пинка – молодой подпрыгнул, выпучив глаза, помчался дальше, набирая обороты, и первым ввалился в лес...

– Вот гаденыш, лидировал с большим отрывом... – ворчал на бегу Тюлень. – Да неужто мы ушли, так-растак... А ну, поднажали!

Но закон подлости все же сработал как часы. Остальные не успели добежать до леса, как с вышки прогремела автоматная очередь. Что-то надоумило охранника обернуться, и далеко внизу он разглядел бегущие по лугу фигуры. Пули засвистели над головой. Он сменил магазин – снова разразился возмущенной очередью. Пули сбивали ветки с осин, трясли желтеющую листву. Взвизгнул Полосатый, обнаружив продырявленный бушлат, грянул с разгона животом на кочку.

– Спалили, суки... – хрипел Кот, вбегая в лес. – А ну, не тормозить, пошли, пошли...

Страх подгонял. Эки прыгали по кочкам, топтали мелкие кустарники. Иллюзий не было – сигнал о побеге уже дошел по адресу, скоро предпримут надлежащие меры. Чаща, прилегающая к зоне, была сравнительно проходимой. Осинник, смешанный с березняком, поваленные

деревья, покатые косогоры, низины, заросшие жухлой крапивой. Они прорвались через одну из таких низин, исколов о крапиву открытые участки тела, растянулись по холму, испещренному буераками и островками свальной травы. Люди задыхались, заплетались ноги. Тюлень обнял осинку, тяжело дышал, плевался. Рухнул Килька, но не остановился, продолжал бежать на четвереньках, оттопырив костлявый зад. Выносливый Кот пыхтел, как локомотив, упорно осваивая подъем. Свалился Полосатый, он дышал, как загнанная собака, свесив язык.

– Плата, а ну стой... – прохрипел он, обнаружив пробегающего рядом Вадима. – Палку дай, сука, помоги подняться.

– Я похож на казачка? – удивился Вадим, невольно притормаживая. Он с усмешкой смотрел, как тужится беглый вор, хватается за живот.

– Кишки болят... – пожаловался Полосатый. Напрягся, вздулся шрам на скуле, меняя цвет нижней половины лица, и стало понятно, откуда взялась такая кличка.

– Ладно, держи. – Вадим поднял с земли относительно не искривленную жердину, сунул эку, помог ему подняться, сделать первые шаги.

Поднявшись на пригорок, они обнаружили разреженный сосняк, по которому можно было пронестись со свистом. Да вот незадача, проселочная дорога, что была на севере, теперь оказалась рядом, метрах в тридцати по правую руку. Она прорезала сосняк, уносилась на запад. Рычал мотор, от зоны шла большая грузовая машина. Пока ее закрывали кусты, но этот рев уже становился все ближе.

– Ну, вилы... – зашипел Полосатый, округляя глаза.

Заскулил от страха Килька, дергаясь в припадочном танце.

– Вперед, братва, вперед... – сипел перекошенный Кот. – Какая ни есть, а воля. Балдейте, сейчас и ту отнимут...

Они помчались дальше, даже Полосатый забыл о своих продырявленных кишках. Группа людей скатилась в пологую низину, оккупированную вездесущей крапивой, залегли. Как вовремя, черт возьми! По дороге уже прыгал затянутый брезентом «Урал», рычал, как взбесившийся мастодонт. Прокатил немного вперед, остановился. Действительно, с чего они взяли, что погоня потопает пешим порядком? Отвалился задний борт, посыпались солдаты в утепленном серо-зеленом камуфляже. Выгрузились пятеро – трое рядовых, сержант и младший офицер с пушкой усов под носом. Он что-то крикнул, махнул рукой, машина, надсадно рыча, запыхалась дальше. Прикрепить обратно борт никто не удосужился, он болтался, пронзительно завывал. В машине находился кто-то еще. В целом логично, никто не знает, как далеко ушли эки. Следующую группу выбросят через двести метров, затем через пятьсот... Солдаты сняли с плеч «АК-74», вторглись в сосняк, растянулись цепью. Словно чувствовали, что здесь им что-то обломится. По-видимому, это были контрактники, не такие уж юные, безусые и не подготовленные. Они умело блокировали участок леса, вот уже топали рядом с низиной. Забавно, похоже, именно в ней они собрались устроить засаду...

Округу огласил разухабистый индейский вопль в исполнении Полосатого, и озверевшие эки, которым уже нечего было терять, бросились врукопашную. Расстояние минимальное, огнестрельное оружие применить затруднительно. Солдаты впали в секундный ступор – его и хватило, чтобы завладеть инициативой. Бились кулаками, палками. Вадим вооружился сучковатой корягой, подброшенной «провидением». Пятился перепуганный офицер, щеточка усов от волнения встала дыбом, растопорщилась, как зубная щетка, он передергивал затвор. Западлю офицеру биться на кулаках. Вадим швырнул корягу, угодил в живот, слухового согнуло пополам, а когда он разогнулся, в живот уже летел бронебойный кулак. И с минимальной задержкой второй – в челюсть. Парня унесло, как будто метеоритом огрело... А вокруг происходило что-то жуткое, непотребное. Месились жестко, брызгаясь кровью, кипя от бешенства. У солдат вырывали автоматы, лупили чем попало. Даже Килька впал в азарт. Плохо представляя, что такое кулачный бой, он с истошным визгом налетел на ошеломленного

бойца, едва не уселся ему на шею, оба покатались в крапиву. У Полосатого был пониженный порог жалости к людям. Он хохотал, хлеща своего соперника по лицу – боееспособной единицей оказался блатарь. Вывел того из равновесия, сбил с толку, внезапно оказался сбоку, подпрыгнул, и «калмычка» на сладкое – рубящий удар ребром ладони по шее. Тюлень с громким криком уже выбивал дух из своего спарринг-партнера – держал его за шиворот обеими руками, давил массой и колотил затылком по земле. Последовал тяжелый удар чугунной «кувалдой», злобно ощерился Кот, а его противник с раздробленной челюстью повалился навзничь, раскинув руки. Кот размял кулаки, он не видел, как из низины вырастает еще один солдат с разбитой в кровь губой. У бойца бессмысленно блуждали глаза, мгновение назад он разделался с Килькой, отправив того в нокдаун. Но вместо того чтобы бежать, решил продолжить поиск приключений. Он поднял лежащий без дела автомат, передернул затвор, прицелился в Кота и рухнул без сознания, получив от Вадима корягой по кепке.

Кот повернулся. Кустистые брови изумленно поползли вверх.

– Удружил, Плата... – пробормотал он недоверчиво. – Не ожидал...

– Так вышло, – огрызнулся Вадим. – Не бери в голову, Кот.

– Да я и не беру... – уголовник придирчиво обозрел подтянутую личность своего спасителя. – Удобная штука, да? – кивнул он на корягу, с которой Вадим не думал расставаться.

– Почти профессиональная, – буркнул Вадим и подался к Полосатому, которого потянуло на самодеятельность. Его противник кричал от боли, держался за отбитую шею и тоскливо смотрел, как уголовник, сидящий на нем верхом, с подлой ухмылкой достает заточку, чтобы вонзить в горло.

– Чо, кентуха, балабас? – промурлыкал он. – Обломчик, стало быть, небольшой?

– Румпель убери, – проворчал Вадим, нагибаясь над ними обоими. – И кесаря тоже. – Полосатый машинально отстранился. Просвистел кулак, и молодой контрактник забылся беспробудным сном.

– Эй, Плата, чо за фигня? – разочарованно протянул Полосатый. – Чего ты лезешь, в натуре?

– Без трупов, господа, – пояснил Вадим. – Тормоза включай, Полосатый, и башкой начинай думать. Завалить вояку – то же, что завалить мента. Хочешь, чтобы все волки Красноярского края на тебя охотились?

– Кот, а чего он тут распоряжается? – обиженно надулся Полосатый. – Скажи, Кот, он чо тут, самый крутой? Может, покалякать с этим Кирюхой?

– Да нет, парнишка прав, – пробурчал Тюлень, слезая со своего обездвиженного противника. – За трупешники нас по головке не погладят. А чо, и так нормально, – он обозрел поле побоища и плотоядно оскалился. – Размялись, все такое. Пусть солдаты немного поспят, как говорится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.